

ПРОТИВ НИЗКОПОКЛОНСТВА ПЕРЕД ИНОСТРАНЩИНОЙ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Советское государство может гордиться своими успехами во всех областях народного хозяйства, своими громадными достижениями в развитии социалистической культуры. Подводя итоги советским достижениям за тридцать лет, В. М. Молотов сказал: «Следует признать, что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов. Это относится ко всем советским народам, как к городу, так и к деревне, как к людям физического труда, так и к людям умственного труда. В этом заключается, действительно, величайший успех Октябрьской революции, который имеет всемирно-историческое значение»¹. Советские ученые—работники идеологического фронта—особенно должны учитывать это положение В. М. Молотова и в соответствии с этим предъявлять более высокие требования к своей продукции, к выпускаемым книгам, статьям, к своим лекциям и докладам. Идейный рост советских людей заставляет наших ученых критически подходить к своей работе, глубже вникать в ее содержание, обеспечивать постоянное движение и рост науки в своей области.

В советской стране созданы все условия для беспримерного в истории человечества развития науки, однако это развитие не может быть сплошным и ровным. Иногда ее поступательное движение встречает на своем пути препятствия и в частности некоторое сопротивление со стороны людей, в сознании которых еще живучи пережитки капитализма. В. М. Молотов отметил: «У нас еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой. Недаром господствующие классы старой России были нередко в большой духовной зависимости от более развитых в капиталистическом отношении государств Европы. Это позволяло культивировать среди некоторых кругов старой интеллигенции рабское сознание неполноценности и духовной зависимости от буржуазных стран Европы. Не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином»². Между тем среди некоторых советских ученых эти позорные пережитки еще имеют место.

Широкое обсуждение книги Г. Ф. Александрова «История западно-европейской философии» на специально организованной для этого дискуссии показало, что наука отсутствует там, где нет развернутого наступления на враждебную идеологию за рубежом, на пережитки буржуазной идеоло-

¹ «Большевик», 1947, № 21, стр. 10—11.

² Там же, стр. 16.

гии в сознании советских людей. Наука не движется вперед там, где отсутствует единый фронт ученых в борьбе за торжество марксистской методологии, за учение Ленина—Сталина, самое передовое и единственно прогрессивное во всей современной науке. Философский фронт оказался не на уровне современной марксистско-ленинской науки, он отстал от него; причины этого отставания вскрыл т. Жданов в своем выступлении на философской дискуссии. Он указал на то, что наши философы «не замечают фактов беспринципности и безыдейности в философской работе, фактов пренебрежения современной тематикой, фактов раболепия, низкопоклонства перед буржуазной философией. Они, видимо, считают, что поворот на идеологическом фронте их не касается. Теперь всем видно, что этот поворот необходим»¹.

Все сказанное тт. Молотовым и Ждановым целиком относится и к историческому фронту и обязывает советских историков древнего мира просмотреть свой научный багаж, серьезнее проверить его и сильнее вооружить идейным содержанием. Успехи, достигнутые советской историографией в области древней истории², свидетельствуют о движении вперед; однако для дальнейшего движения нужно навсегда освободиться от недостатков и пороков, указанных тт. Молотовым и Ждановым, и проникающих иногда и в нашу область исторической науки. Советская наука по древней истории выросла и сложилась в борьбе против буржуазных историков-модернизаторов, в борьбе против антиленинской социологической школы Покровского и прочно стала на марксистско-ленинский творческий путь развития. Часто там, где буржуазные историки видели только отдельные, разрозненные факты и явления, там советские ученые вскрывали закономерный процесс исторического развития. Вооруженные передовой марксистской методологией, советские историки древнего мира по-новому объяснили не только целый ряд исторических категорий, но дали, например, принципиально отличное от буржуазного представления понятие древневосточного общества, характеристику рабства, причин падения римской республики и империи, показали роль классовой борьбы в истории древности, движения рабов и т. д. Вместе с тем, несмотря на явное преимущество нашей науки перед западноевропейской, некоторые наши ученые не совсем еще свободны от зарубежного влияния. Оно проникает еще и в нашу область и порой выражается в рабепном признании западноевропейских авторитетов, в стремлении всякий раз сослаться на имя иностранного, пусть даже малозначимого ученого, процитировать его работу, подчеркнуть его приоритет в разработке того или иного, часто весьма мало важного, вопроса, щегольнуть знанием множества фамилий иностранных авторов независимо от их научной ценности. С другой стороны, зарубежное влияние выражается и в том, что достижения нашей русской и советской науки остаются многими авторами незамеченными, недооцениваются, имена русских ученых мало популяризируются, затушевываются или совсем забываются, а приоритет русской науки недостаточно оберегается. Под этим, в значительной мере внешним, проявлением зарубежного влияния может скрываться и более серьезная опасность, выражающаяся в проникновении таким образом идеологического буржуазного влияния на отдельных наших советских ученых, в проникновении буржуазных концепций в науку, в нашу область истории. Вот почему наша партия и призывает советских ученых развернуть беспощадную критику всех и всяких возможных проявлений низкопоклонства и раболепия перед Западом и его капиталистической культурой, бороться за авторитет советской науки и обес-

¹ «Большевик», 1947, № 16, стр. 20.

² Об этом см. ВДИ, 1947, № 3, стр. 1—94.

печить ее идейный рост. Именно с этих позиций мы должны подходить сейчас к трудам наших авторов и развернуть критику работ советских историков.

Последней новинкой литературы по древней истории является работа профессора Ленинградского университета С. Я. Лурье «Геродот», выпущенная в научно-популярной серии Академии Наук СССР (М.—Л., 1947 г.). Ко всякой работе, изданной Академией Наук СССР, и к ее автору необходимо предъявлять большие требования, в особенности же это относится к данной работе, ибо она рассчитана на значительно более широкий круг читателей, чем узко-специальная литература. Между тем книга представляет собой, по существу, своеобразную трибуну для многочисленных западноевропейских авторов, высказываниям которых С. Я. Лурье без должной критики предоставил страницы своего труда. Автор как будто даже поставил своей целью рассказать в этой книге советскому читателю о взглядах на Геродота всех буржуазных западноевропейских историков. Он часто прибегает к характеристике Геродота словами Эд. Мейера, Якоби, Кери, Эренберга и других зарубежных исследователей, цитируя подряд целые страницы текста их работ. Например, стр. 81—82 представляют сплошную цитату из работы Якоби, на стр. 38 автор пишет, что довольствуется передачей слов Эд. Мейера, так как целиком стоит в разбираемом вопросе на точке зрения последнего. Понятно, что от такого приема автора пострадало не только самое исследование, но и правильность данной С. Я. Лурье характеристики «отца истории» — Геродота. Вся работа изобилует многочисленными, большей частью совершенно немотивированными ссылками на иностранные работы о Геродоте, а в указанной автором библиографии приводится только девять русских работ рядом с огромным, растянувшимся на три страницы списком иностранной литературы, к которой автор так охотно отсылает своих читателей. Чем можно объяснить подобный факт? Неужели у советского ученого, каким является С. Я. Лурье, нехватило русских слов для характеристики известного историка древности и он был вынужден прибегнуть к переводу с немецкого? Или он решил прикрыться именами западноевропейских авторитетов, давая характеристику Геродота? Нужно отметить, что для автора этот прием не является совсем новым. В другой своей работе «Очерки по истории античной науки» (М.—Л., 1947 г.), автор сам говорит: «вслед за Баконом и Галилеем, вслед за Левенгеймом я стремлюсь показать, что Платон и Аристотель только по недоразумению попали в число творческих деятелей античного естествознания» (предисловие, стр. 6). Автор идет вслед за Левенгеймом, но не хочет останавливаться на оценке Аристотеля Марксом и Энгельсом. Взгляды Маркса о Демокрите С. Я. Лурье приводит только в приложениях к своей книге, петитом, после примечаний и указателя литературы. Вот это постоянное стремление автора идти вслед за различными буржуазными учеными, стоящими на чуждых нам идеалистических позициях, и приводит его к отходу от марксизма-ленинизма, не дает ему возможности овладеть методом материалистической диалектики и сделать свои работы подлинно научными.

Другим примером из числа новых книг по древней истории является работа профессора С. Ф. Кечекияна «Учение Аристотеля о государстве и праве» (М.—Л., 1947 г.)

Бросается в глаза то обстоятельство, что, принимая взгляды целого ряда зарубежных авторов, С. Ф. Кечекиян явно опускает русские работы, посвященные исследованию тех же проблем. Автор охотно прибегает к ссылкам даже на очень старые западноевропейские работы, неоднократно указывает на разработку каждого отдельного вопроса зарубежными авторами (Schneider, 1825 г., Jourdain, 1843 г. Oncken, 1875 г., Pöhlmann,

Zeller, Hirzel, П. Жане и другими), но забывает назвать работы широко известных русских ученых в области истории государства и права, каким являлся, например, Б. Чичерин. С. Ф. Кечекьян не упустил даже возможности привести высказывания некоего немецкого переводчика «Политики» Аристотеля—Рольфеса, который находит у Аристотеля одобрительную оценку монархии (стр. 110, прим. 5), безоговорочно принимает взгляды Newman'a (стр. 14, 81, 83 и др.) и только указал на то, что русская работа А. Бронзова, посвященная учению Аристотеля о нравственности, является идеалистической (стр. 80, прим. 1). Наряду с замечанием об идеалистической концепции Бронзова, автору следовало бы дать серьезную критику буржуазных зарубежных работ по этому вопросу, чего он не сделал. На стр. 83 (прим. 2) С. Ф. Кечекьян пишет: «Rehm сводит аристотелевскую концепцию государства к абстрактной, ничего не говорящей формуле, в которой исчезает всякий намек на рабовладельческий характер государства, о котором писал Аристотель». Автор в данном случае сам оказался в плену у буржуазного ученого и не видит, что если Rehm отрицает рабовладельческий характер государства, то это вовсе не «абстрактная» и «ничего не говорящая формула», а типичная буржуазная формула, выхолащивающая классовую сущность государства.

Назвав во введении буржуазных ученых Рема и Пельмана модернистами (стр. 5), С. Ф. Кечекьян счел, что достаточно обезопасил себя и читателей от их влияния, и в дальнейшем тексте свободно прибегает к использованию работ этих авторов, к цитированию и ссылкам на них (стр. 25, 59, 70, 132 и многие другие).

Почему автор прибегнул к такому методу передачи материала? Разве так необходимо для советского ученого подкреплять свою точку зрения высказываниями различных буржуазных ученых и стремиться установить их приоритет в каждом отдельном вопросе? Такие методы работы привели автора к явно немарксистской, некритической оценке взглядов отдельных буржуазных ученых.

Другой советский ученый в области античной философии, профессор А. О. Маковельский, последняя работа которого («Древнегреческие атомисты», Баку, 1946 г.) чрезвычайно засорена многочисленными ссылками на работы буржуазных западноевропейских «авторитетов», настолько увлекся изложением взглядов зарубежных авторов по каждому отдельному вопросу, что даже К. Маркса поставил в один ряд с буржуазным ученым Д. Тидеманом. На стр. 34, излагая существующие взгляды по вопросу о том, что первичное движение атомов у Левкиппа и Демокрита не обусловлено их тяжестью, А. О. Маковельский пишет: «Из более ранних авторов этого взгляда придерживались Д. Тидеман и Карл Маркс». Таким образом гениальный основоположник научного социализма, К. Маркс, оказался у А. О. Маковельского только «более ранним автором» в разработке этого вопроса.

Явное преклонение перед буржуазной наукой сказалось у автора перевода книги Ш. Дилия «Основные проблемы византийской истории» Б. Т. Горянова. Он сразу же, с первых слов своего вступления к переводу этой книги, поспешил провозгласить приоритет французских ученых в разработке проблем византиноведения, хотя всем хорошо известно, что именно русское византиноведение всегда занимало и занимает ведущее место и именно русские византинисты получили мировое признание, а зарубежные исследователи должны были прислушиваться к ним и считаться с их мнением. Положение Б. Т. Горянова: «Франция заслуженно завоевала себе авторитет классической страны научного византиноведения» является просто клеветой на русскую науку. Вышедший в свет, после большого перерыва в издании, том I (XXVI) «Византийского временника» также

не свободен от влияния буржуазной науки и преклонения перед ней. В предпосланном этому сборнику введении прямо говорится, что издатели ставят своей задачей п р о д о л ж и т ь русские традиции и держать своих читателей в курсе последних достижений «мирового византиноведения». Эта ошибочная позиция издателей механически «продолжать» старые традиции да еще инструктироваться у «мирового» византиноведения (очевидно, авторы имели в виду византиноведение в буржуазных странах) уводит от задачи создать свое, с о в е т с к о е византиноведение, основанное на марксистской методологии. Признавая огромные заслуги русского византиноведения, советские ученые не могут все же остановиться на уровне и позициях буржуазной науки, они не могут быть только продолжателями традиций русского и какого-то «мирового» византиноведения, а призваны создать свое, марксистское, самое передовое и правильное мировоззрение в этой области исторической науки. Вышедший номер «Византийского временника», отказавшегося от критики современных буржуазных взглядов на историю Византии и проповедующего даже содружество с мировым, а значит, и буржуазным, византиноведением, оказался на ошибочных, не на марксистских позициях.

Все эти примеры свидетельствуют об имеющихся еще фактах притупления политической бдительности среди некоторых наших ученых-антиковедов, в то время как современное состояние буржуазной науки в области древней истории требует от советского историка острой, боевой критики. Значительная часть признанных западноевропейских «авторитетов» древней истории стала сейчас открытыми апологетами капитализма, а работы их являются проповедью капиталистического строя. Буржуазные ученые все чаще обращают свой взор в далекое прошлое. Они стремятся оправдать существование капитализма искусственно созданными аналогиями из истории античного мира, стремятся таким путем доказать жизнеспособность капиталистического строя, возможность его дальнейшего существования. В этом состоит истинный политический смысл модернизации истории древнего мира на современном этапе. Поэтому не случайно, что «выдающиеся» и «знаменитые» на Западе историки античного мира оказались в стане правящей клики реакционеров и мракобесов. Как известно, «прославленный» историк античности Э. Паис стал, в конце концов, сенатором при Муссолини, а фашиствующий историк Ж. Каркопино сумел даже занять пост министра просвещения в «правительстве» Виши. Выполняя социальный заказ своих господ, эти, с позволения сказать, «маститые ученые» создавали свои труды по древней истории в тоне и духе, требуемом их хозяевами. Незадолго перед второй мировой войной Паис вполне откровенно проповедывал, что современная внешняя политика Италии должна восстановить древнеримские завоевательные традиции, а Каркопино, писавший во времена расцвета режима Муссолини, создал откровенно фашистское, цезаристское построение римской истории.

Все известно, что американский исследователь Тенней Франк был подголоском реакционера Гувера. Этот ученый в своих статьях и исследованиях пропагандировал мысль, что крестьянское движение в Риме в эпоху Гракхов имело место и потерпело неудачу потому, что там не оказалось «крепкого» класса фермеров, который существует сейчас в Америке. По мысли Т. Франка, Америке удалось себя обезопасить от крестьянских движений, поскольку там есть такие фермеры. Вот с какой позиции «маститый» ученый пытался «американизировать» древнюю историю Рима.

Следует ли говорить о том, что советские историки должны пойти в наступление против подобных реакционных буржуазных теорий, к каким бы проблемам истории они ни относились? Советские историки должны кри-

тически относиться к каждому слову, написанному подобными авторами, должны снять с них оболочку «большой учености» и показать, что эти «ученые» являются типичными буржуазными политиками, а иногда даже и прямыми агентами фашизма. Однако не все наши историки это понимают. Отдельные научные работники, часто без всякой необходимости, «украшают» свои труды многочисленными ссылками на иностранные работы, хотя бы и не оригинальные и не представляющие большой научной ценности. «Отдельные научные доклады и диссертации, — как указано в передовой статье газеты «Правда» (23/IX 1947 г.), — пересыпаны цитатами из заграничных журналов, научная ценность и авторитетность которых равна нулю. Некоторые местные научные работники в погоне за сомнительной «популярностью» стремятся печатать свои труды в такого рода журнальчиках, забывая о достоинстве и гордости советского гражданина, советского ученого».

Стремление получить мнимую «популярность» свойственно и некоторым советским историкам древнего мира. Нельзя, например, пройти мимо того факта, что знаменитый математический папирус, хранящийся в московском Музее изобразительных искусств и являющийся достоянием русской исторической науки, был опубликован русскими учеными (акад. В. В. Струве), но в Берлине и на немецком языке, а на русском языке он до сих пор не появлялся. Некоторые советские историки античности, как, например, С. Я. Лурье, неоднократно публиковали свои специальные, не выходявшие на русском языке работы в иностранных журналах. Уже в 1947 г. проф. И. Н. Бороздин поместил свою статью «*Turkmenia at the dawn of History*» в лондонском журнале «*Asiatic review*», Jan., vol. 43, № 153.

Чем другим, как не низкопоклонством и угодничеством перед иностранщиной можно объяснить подобные факты?

С другой стороны, достаточно известен тот факт, что отношение зарубежных историков к достижениям советской науки далеко не объективное. В то время как некоторые советские ученые охотно, а часто даже и незаслуженно признают приоритет буржуазных исследователей в разработке отдельных проблем, буржуазные авторы игнорируют, замалчивают, не замечают достижений русской науки в прошлом, а роль советской науки умышленно принижается. В самое последнее время так получилось, например, с опубликованной в журнале «*Antiquity*» (№ 78, июнь 1946 г.) статьей широко известного советского исследователя С. П. Толстова «Ранняя культура Хорезма». Поместив эту статью, редакция «*Antiquity*» сочла необходимым сделать свои примечания, порочащие честь советского ученого и советской науки. Вместо того чтобы признать большие достижения советской науки в области изучения истории Хорезма, как это в действительности имеет место, приписка редакции свелась к указанию на плохой язык этой статьи, вызвавший необходимость переработки ее редакцией для опубликования в «*Antiquity*», а затем к сдержанному пожеланию, чтобы дальнейшие работы С. П. Толстова подтвердили высказанные им в статье положения. Вместо того, чтобы отметить большую научную ценность исследований советского ученого, редакция «*Antiquity*» принизила, умалила значение археологических открытий проф. Толстова и, по существу, ошельмовала советскую науку.

Мы знаем, что за рубежом есть много демократически настроенных историков, обращающих свои взоры на Советский Союз. Известно стремление передовых ученых стран новой демократии стать на путь правильного осмысливания закономерностей исторического процесса и понять самое передовое учение о развитии общества, основанное на методе диалектического материализма. Именно такое стремление болгарских ученых ярко выраже-

но в журнале «Исторически преглед». Нам близки имена таких прогрессивных историков, каким является, например, английский археолог Г. Чайлд. Мы охотно поможем им в прогрессивном развитии науки, но мы решительно отмечаем всякое угодничество и преклонение перед иностранщиной.

Недостойное советских ученых угодничество и преклонение перед иностранными «авторитетами», к сожалению, сумело проникнуть и в наш журнал, и редакция журнала не смогла довести до конца борьбу с этим явлением. Наши рецензии на иностранную литературу часто носят библиографический характер, не вскрывают идеологической направленности рецензируемой работы и не стали еще нашим острым, действенным оружием в борьбе с буржуазной наукой за торжество марксистской методологии. Огромный, но голый фактический материал, которым часто оперируют буржуазные историки, иногда подавляет наших рецензентов, и они видят образец «учености» там, где на самом деле проводятся самые отсталые, самые реакционные, требующие разоблачения, буржуазные взгляды. Наши обзоры иностранных журналов неправильно ставили своей целью, главным образом, ознакомление читателей с выходящей за рубежом литературой и не всегда обеспечивали критический подход к ней. Некоторые статьи наших авторов испещрены ненужными и даже вредными ссылками на иностранные работы, нисколько не повышающими научную ценность этих статей и снижающими роль советской исторической мысли в области древней истории. Так, например, в статье о социальных идеях сатурналий автор неоднократно ссылается на ряд иностранных авторов (Вендланд, Фрезер, Ф. Кюмон, В. Рошер, Дун) и не указал ни одного русского ученого, занимавшегося проблемами социальных идей античности.

В статье о борьбе политических партий в Риме весьма подробно излагаются взгляды всех буржуазных историков по вопросу о популярах и оптиматах, устанавливается приоритет англичан в постановке этого вопроса и разбираются тончайшие нюансы в огромном хоре, состоящем из множества иностранных фамилий (Hegewisch, Gelzer, Syme, Strasburger, Last, J. Vogt и E. Kornemann, Piganiol, Carcopino и др.), среди которых совершенно затерялись два имени из числа русских исследователей (Р. Ю. Виппер и С. И. Протасова), взглядам которых отводится в исследовании ровно шесть строк. Брошенная автором мысль о том, что в русской историографии уделялось большое внимание разбираемому вопросу, выглядит поэтому абсолютно голословной и совершенно неубедительной. Автор ссылается на имя Пиганьоля только потому, что последний говорит «о партии популяров, выступающих с определенными методами борьбы» (стр. 129), в то время как в любой советской книге и самом популярном курсе древней истории, читаемом в многочисленных советских университетах и педагогических институтах, неизбежно говорится о партии популяров. Еще в работе Р. Ю. Виппера «Очерки истории Римской империи» говорилось о популярах (стр. 47), а в «Очерках по истории древнего Рима» В. С. Сергеева изучению вопроса о партиях популяров и оптиматов отводится специальное место (ч. 1, стр. 173—177). Понятно, что такая манера всякий раз обращаться к иностранным авторам по вопросам, достаточно разработанным в русской науке, дезориентирует нашего читателя и принимает роль советской науки.

Русская историческая мысль внесла значительный вклад в развитие науки по древней истории. В разработке многих вопросов истории античного мира именно русским ученым принадлежит приоритет. Так, всемирное признание получила в свое время работа В. И. Модестова «Введение в Римскую историю»; появлению пятого тома «Римской истории» Моммзена предшествовала работа русского ученого С. В. Ешевского «Центр римского

мира и его провинции», опередившая пятый том Моммзена лет на 30—40, положившая, таким образом, начало изучению истории римских провинций и свободная от недостатков труда прославленного немецкого историка; значительно ранее работ Олло известный русский исследователь акад. С. А. Жебелев первый дал новое освещение римским войнам на Востоке в своей работе «Первый год второй Македонской войны». Выдающееся значение имели работы Ф. Ф. Соколова, В. П. Бузескула, Б. А. Тураева, В. В. Латышева, Н. Я. Марра, Р. Ю. Виппера и многих других русских исследователей.

В методологическом отношении русские ученые всегда стояли выше и шли впереди зарубежных исследователей. Следует отметить, что влияние марксизма на русскую историческую мысль проявлялось еще в дореволюционные годы. Однако у некоторых наших историков отсутствует стремление бороться за свой авторитет и отстаивать честь русской исторической науки в разработке тех или иных проблем. Они охотнее обращаются к работам Моммзена, Олло, Т. Франка и других иностранных исследователей, а наши отечественные труды в той же области забываются. Так, забыты работы Куторги (об аттической общине), Кулаковского (к вопросу о начале Рима), Крюкова (о происхождении плебеев в Риме), работа Аландского по древнему периоду истории Рима и истории Греции, целый ряд интересных статей Нетушила, опубликованных в ЖМНП, и многие другие. Наши отечественные труды по древней истории не переиздаются, в то время как заграничные работы выходили по несколько раз (например, работа Моммзена). Нашей насущной задачей поэтому является воскресить важнейшие работы русских историков и доказать приоритет русской исторической мысли в разработке многих исторических проблем древней истории.

В сравнении со старой русской наукой советские ученые значительно продвинулись вперед, ибо они строят свои исследования на марксистско-ленинской основе. Огромный вклад в нашу советскую науку по древней истории был сделан советскими историками за 30 лет развития советского общества. Работы акад. В. П. Волгина по истории социализма, акад. В. В. Струве и акад. Н. М. Никольского в области истории древнего Востока, акад. А. И. Тюменева по социально-экономической истории древней Греции, профессоров В. С. Сергеева, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева в области изучения проблем социальной борьбы, гражданских войн и истории цезаризма, проф. А. Б. Рановича по истории эллинизма и других советских историков являются серьезным вкладом в историческую науку по древней истории, так же как и археологические исследования, проводимые проф. С. П. Толстовым, С. В. Киселевым, В. Ф. Гайдукевичем, В. Д. Блаватским, П. Н. Шульцем и рядом других советских археологов.

Советская наука может гордиться своими достижениями, и ей не к лицу уступать свой приоритет буржуазным ученым. Дальнейшее развитие нашей науки ставит перед историками ряд новых задач, главной из которых является развитие критики и самокритики в науке. Беспринципность и либерализм, боязнь резкой критикой обидеть автора приводят к ошибкам, к извращению исторической перспективы, к торможению развития нашей советской исторической науки. Слова т. Жданова о том, что «отсутствие творческих дискуссий, критики и самокритики не могло не отразиться пагубным образом на состоянии научной философской работы», целиком относятся и к нашей науке.

Разве не ясно, что критические статьи и обзоры современной литературы по древней истории должны стать принципиальными, острыми, проникнутыми духом воинствующего материализма. Нельзя дальше допускать «академической объективности», под флагом которой часто скрывают-

ся беспринципность и аполитичность. Наша критика должна играть руководящую идейную роль в развитии нашей науки. Разработка теоретических проблем истории древнего мира невозможна без решительного разгрома всех идейных противников марксистско-ленинской теории.

Задачей советских историков является не продолжение старых традиций, а создание принципиально новой, своей, марксистско-ленинской науки в области древней истории. Указание И. В. Сталина на то, что, в отличие от буржуазной науки, история, созданная советскими учеными, должна быть историей непосредственных производителей, а не историей царей и полководцев, еще не выполнено нашими учеными. Мы мало занимаемся изучением непосредственных производителей в истории древнего мира. До сих пор общее построение и структура наших учебников и курсов по древней истории во многом еще следуют за схемой, разработанной и принятой в свое время буржуазной наукой. Наши советские ученые много занимались изучением отдельных проблем и вопросов древней истории, достигли значительных успехов в этой области, но они до сих пор не освободились еще от власти общей схемы истории древнего мира, созданной буржуазной наукой. Великое ленинско-сталинское учение дает нам возможность полностью преодолеть буржуазное влияние и дать свое, самое передовое, принципиально отличное от буржуазного, построение истории древнего мира, создать действительную историю непосредственных производителей.

Наши советские ученые свободны от узких рамок капиталистического строя, мы живем и работаем в условиях самого передового общественного и государственного строя, который открывает широчайшие творческие перспективы для движения нашей науки. «Последний советский гражданин,—говорит товарищ Сталин,—свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства». Советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией, стоят неизмеримо выше любого самого прославленного буржуазного авторитета.

Советская историческая наука достигла немаловажных результатов. Советские историки имеют законные основания гордиться своими успехами. И есть все основания полагать, что мы в самое ближайшее время изживем недостатки тех немногих историков из нашей среды, которые еще не освободились от низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина всесильно, потому что оно верно.

